

Истории от Доктора

«Скальпель! Десятку!» Ну вот, опять меня взяли. Почему я? Снова я! Вон лежит восьмёрка, почти неиспользованный. Так нет, меня. Я уже далеко не новый, но кого это интересует. Особенно этой молоденькой врачихе с голубыми бесшабашными глазами нравится меня везде за собой таскать. Вон восьмёрка уже обижается! Ему хочется в дело, а его не берут - маленький, мол. И ведь он даже не понимает, что никогда не вырастет. Хоть он и пыжится, и блесит никелем, и мигает отсветами операционной лампы, но...

А я уже бывал почти везде, иногда даже становится скучно опять лезть в чей-то живот. Ещё ничего, если не толстый, пару сантиметров. А если как у той тётки на прошлой неделе, так я уже и не сумел дойти до конца. Взяли-таки восьмёрку на помощь.

А ещё мне меняют каждый раз голову. После каждой операции. Старую выкидывают, а новую надевают. Другие бы обижались на такое хамское обращение, но я... как-то привык. За столько-то лет уже не до обид.

Затем, после работы, меня помнут специальной неприятно пахнущей химией, засунут в горячий тёмный шкаф, а потом сложат в наборе на следующую операцию. И вот эти несколько часов спокойствия - самые счастливые за целый день. Блаженство! Лежишь среди таких же чистых инструментов, как ты, и наслаждаешься ничегонеделанием. Все устали и заслуженно отдыхают. Правда, самые разговорчивые из нас, особенно этот - восьмёрка, - любят поболтать и похвастаться. Ну да, он же не устал, как я. Да мне и не жалко, пусть распускает пёрышки перед сосудистыми зажимами и полостными шпателями, лишь бы меня не трогали, мне хочется отдохнуть. Да и потом моя соседка - изящная анатомическая ложечка-кюретка для выскабливаний - поблизости. Мы часто лежим рядом и на работе, и сейчас, когда отдыхаем. Иногда мне кажется, что между нами что-то такое особенное проскальзывает, но... это, оказывается, всего лишь лунные отблески через зашторенное окно стерилизационной комнаты. Сейчас мне до неё не дотянуться, не дотронуться, но завтра... Завтра утром во время операции мы будем опять вместе!

Я мог бы многое рассказать. Даже, наверное, хватило бы на целую книгу. Я бы рассказал про всех тех врачей, с которыми работал вместе, про все те руки, которые меня держали. Некоторые из них резали сильно, уверенно, работали быстро, без сомнений. Некоторые тряслись от страха или неопытности. Иногда меня даже роняли. Было больно биться о холодный кафельный пол, но никто не извинялся и не подымал, я так и лежал под столом до конца операции, пока всё не закончится. А ещё были руки - аккуратные, спокойные, работающие, будто кистью пишут картину. Эти были самые приятные - держали мягко, двумя пальцами, ровно, вселяя в меня спокойствие. Такой разрез нравился даже мне. И ещё, хотя может мне это только казалось, но анатомической ложечке моя работа нравилась тоже. В такие минуты я особенно гордился собой.

А ещё, представьте, меня пару раз умышленно бросали о стену, а однажды даже об пол! В сердцах. Так, что голова отлетала в другой конец операционной. Я даже как-то испугался, что мой корпус погнётся, и меня отправят на пенсию, а то и в утиль. Но к счастью обошлось. Да, я понимаю, пациент не выжил. Но я-то тут при чём? Я же не виноват, что запущенный случай, что четвёртая стадия, что шансов не было никаких.

Но я простил. Я вообще тому врачу готов простить всё. Мы с ним столько вместе

прошли, такое повидали, из таких передряг выбирались. Да и умирали на его столе реже всего. Уж я-то знаю.

А вот ещё был случай. Оперировали двое: этот мой любимый доктор и та - молодая докторица с бесшабашными глазами. Он ей помогал, направлял её движения и всё время пытался прикоснуться, но не инструментами, а руками. То меня, то зажим, то пинцет держит только двумя пальцами, а остальными её руки касается. И чем глубже в животе, тем чаще касается. А в глазах что-то такое, особенное, мне не понятное. И у неё тоже. Блестят, сверкают не хуже моих новых никелевых головок. Я такое у людей видел часто. Не знаю, что это такое, но хирурги с такими странными глазами работают всегда лучше. Это я заметил. А этот врач... пусть прикасается к докторше, мне не жалко, лишь бы меня почаще в дело брал, и при этом не ронял. А то, сами знаете.

Если меня спросить, какая работа для меня самая тяжёлая, то я скажу сразу: опухоли и гнойные раны. С опухолями иногда так намучаешься за несколько часов, так наработаешься, что случается по две-три головки менять приходится. А то и заново стерилизовать, если очень долго. И хирург в конце уже не тот, устал. Пальцы дрожат, нажим слабый. Иногда даже положит меня на стол, а сам руки пару секунд встряхивает, чтобы отдохнули. А после окончания работы он часто расстроен и недоволен. Я понимаю, не мной. Скорее собой или, как он говорит, «этой чёртовой жизнью», но я всё равно тоже всегда расстраиваюсь. И ещё мне всегда бывает жалко этих, которые на столе. И тех, кто не выжил подо мной. Не справился, не смог, такое бывает. И тех, кто, несмотря на все наши старания, всё равно, понятно, долго не протянет.

Гнойные раны - там работы для меня немного, так, один-два разреза, только чтобы вскрыть. А дальше уже без меня. Промывают, дренируют, снова промывают. А меня кладут в особенно неприятно пахнущий тягучий раствор. И оставляют там на два дня. И это минимум. Бывало даже, после чего-то экстраординарного, пришлось пролежать три дня. Но я понимаю: так положено, иначе нельзя. Иначе можно навредить.

Самые приятные моменты в работе? Ну, мне ещё нравятся те операции, когда рождаются дети. Тут, правда, всегда всё очень спешно, не до ритуалов и манер. Зато настроение у всех приподнятое. Какая-то особенно позитивная атмосфера в операционной. Все смеются, радуются, некоторые почему-то даже плачут. Особенно сильно эта, с разрезанным животом. И ещё тот, что рядом стоит, её за руку держит. Лицо у него бледное, глаза огромные, перепуганные от происходящего, и слёзы у обоих по щекам. От счастья, наверное. А этот маленький комочек, которого достали из живота, плачет, пыжится что-то сказать, но всё больше кричит. И порой очень громко. Хотя этот врач, что меня в руках держит, всегда улыбается, когда громко. А когда тихо - это плохо, я знаю, значит, что-то не в порядке. Тогда прибежит ещё один запыхавшийся взволнованный доктор: будут реанимировать, будут комочек спасать - трубки, уколы, кислород. Но потом снова всё хорошо и все улыбаются, все довольны. Только я вот устал, распереживался. Возраст, наверное.

Да, я знаю, меня иногда не поймёшь: то я жалуюсь, что сил больше нет, утомился, хочу на покой. А то вдруг возмущаюсь, что редко берут в работу, даже завидую иногда тем, кто в деле. Если признаться, я и сам до конца не знаю, чего хочу. Но, два дня без операционной, и я уже тоскую, мне не лежит в наборе, хочется снова в бой. Особенно, если есть надежда снова увидеть мою соседку - анатомическую ложечку. Мне её порой очень не хватает. Особенно в работе.

«Скальпель. Десятку. Давайте быстрее, у нас мало времени, потеряем ребёнка!». Вот, я опять потребовался, да ещё почему-то срочно. И что там такое спешное случилось? Ну ничего, этот справится, всё будет хорошо. Ладно, всё, заболтался я с вами, мне пора. Надеюсь... не увидимся.

Будьте здоровы и счастливы!

Ваш доктор Шаевич